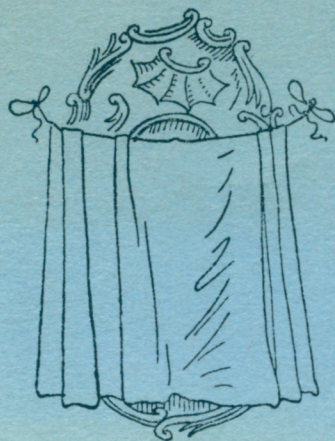

М.КУЗМИНЪ.
ЗАНАВѢШАННЫЯ
КАРТИНКИ

Рисунки
Владимира Милашевскаго
1920.

М. КУЗМИН

ЗАНАВЕШЕННЫЕ
КАРТИНКИ

АМСТЕРДАМ
1920

**Настоящее издание отпечатано в
количестве трехсот семи экзем-
пляров нумерованных I-VII и 1-300**

**Facsimile edition by Ardis
Ann Arbor, 1972**

ЗАНАВЕШЕННЫЕ КАРТИНКИ

- I. Апенгаис
- II. Купанье
- III. Мими-собачка
- IV. Кларнетист
- V. Али
- VI. Размышления Луки
- VII. Начало повести

АТЕНАИС.

Зовут красотку Апенџис,
И так бровей залом високо
над глазом, что посажен наис-
косок.

Задев за пуговицу пальчик,
недооткрив любви магнит,
перед ней зарозмаринил мальчик
и спит.

Острятыя перламутром ушки,
плывут полого плечи вниз,
и волоски вокруг игрушки
взвились.

Покров румяно-перепончат,
подернут влагою слегка,
чего не кончил сон, — докончит
рука.

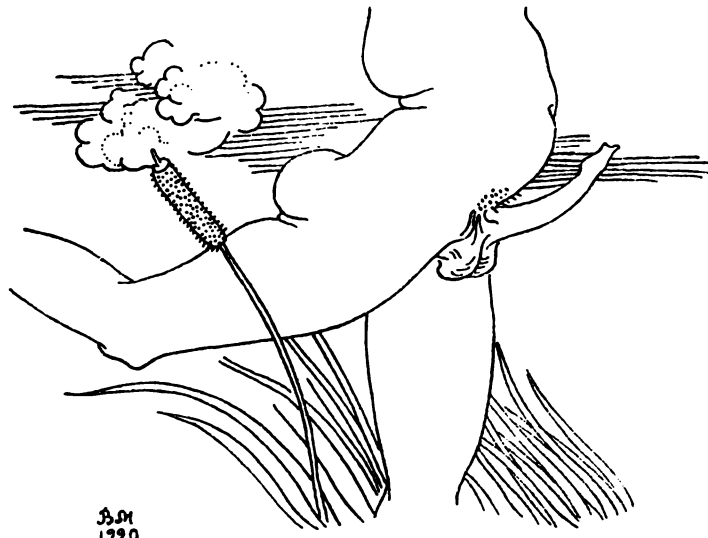
Его игрушку тронь-ка, тронька, —
и наливайся и дрожать,
ее рукой сожми тихонько
и гладь!

Ах, наяву игра и взвизги,
соперницы и взрослый «он», —
здесь — теплоты молочной брызги
и сон.

Но будь искусным пчеловодом
(забота ведь одна и та ж)
и губы — хочешь, свежим медом
помажь.

Мы нежности откроем школу,
широкий заведем диван,
где все — полулюбовь и полу-
обман.

КУПАЊЕ.

3.01
1920.

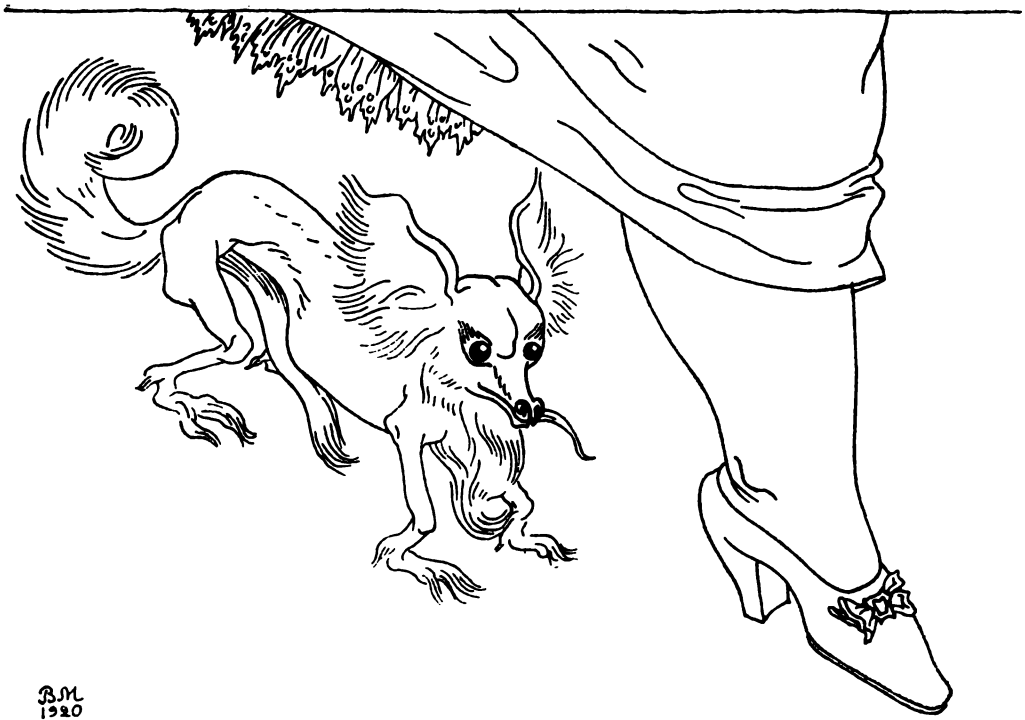
Ах, прелестны вы, малютки,
Как невинные зверьки!
Эти смехи, эти шутки
У проснувшейся реки!
Тут Адамы без штанишек,
Дальше Евы без кальсон,
И глядя на шалунишек,
Погружаюсь в детский сон.
Розовеются, круглеют
Загорелые тела
И в беспечности алеют,
Словно роза их зажгла.
Спины, брызги, руки, ноги,
Пена, пятка, ухо, бровь...
Без желанья, без тревоги
Караулит, вас любовь.
Надоумит, иль отправит, ---
А отправка так стара! —
Но без промаха направит
Руку, глаз еі соєтега.

Улетает вся забота
И легко, как никогда,
Занывает где то, что то
И милее чехарда.
Чью то шею, чью то спину...
Что? лизать, царапать, бить?..
В середину, в середину
Все ловчишься угодить.
Подвернулся вниз Егорка,
В грудь уперся крепкий лоб,
И расправя, смотришь зорко
В чей то зад, как в телескоп.
Любопытно и ужасно
И сладело — озорно,
И желанно, и бесстрастно
И грешно и не грешно.
Вот команда: враз мочиться;
Все товарищи в кружок!
У кого сильней струится
И упруге хоботок.
Кувьркаться, плавать, драться,
Тискать, шлепатьея нырять,
Снова плавать, кувьркаться,
И опять, опять, опять!
Кто-то крикнет, кто то ахнет,
Кто то плещется рукой...
Небывало, странно пахнет,
Но не потом, не рекой.

Вейтесъ, птички! Клейтесъ, почки!
Синева, синей, синей!
Розовые ангелочки,
Будьте проще голубей!
Да, пока топ сгег с топ сгег'ом
И с та сгег'ою та сгеге
Но не служит ли примером
Нам пленительный пример?
Вам, папаши, и мамыши,
Надо быть на стороже:
Ведь опасней игры наши
Всех куплетов Беранже.

1918.

МИМИ-СОБАЧКА.

B.M.
1920

Печаль, помедли, не томи,
Прошу я о простой подачке:
Готов завидовать Мими,
Пушистой, маленькой собачке
Пустее нету пустолайки,
Что лает, только подойдем,
Но не отходит от хозяйки,
Она ни вечером, ни днем.
Порой ее зовут, голубка,
Сокровище, «та chère, та biche,»
Из под хозяйской из под юбки
Ее ничем не соблазнишь.
И я б, поверьте мне, не вышел,
Урчал бы, дулся, словно уж,
Когда б подняв глаза повыше
Я видел розоватый душ,
Когда б голубоватым газом
Был занавешен свет в глазах,
И чувствовал себя я разом
Как пленник и как падишах;

И я, поверь, привстав на лапах,
Разширив ноздри, уши, рот,
Небесный обонял бы запах
И озираю чудесный грот.
А ночью, взяв чепец небрежно,
Поправив в папилботках лоб,
Меня погладили бы нежно,
Произнеся чуть слышно «гоп!»
Поверьте, я б не промахнулся,
Нашел бы место, где лежать,
Где лег, уж там бы и проснулся,
Не обегал бы всю кровать.
Как тыкался бы, как крутился,
Ворочался, ворчал, визжал,
А вам бы в это время снился
В мундире молодой нахал.
В испарине устали б оба.
Собачке слава прогреми:
Она до самого до гроба
Была вернейшей из Мими!

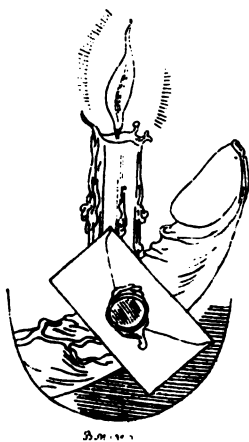
1918.

КЛАРНЕТИСТ
(Романс.)

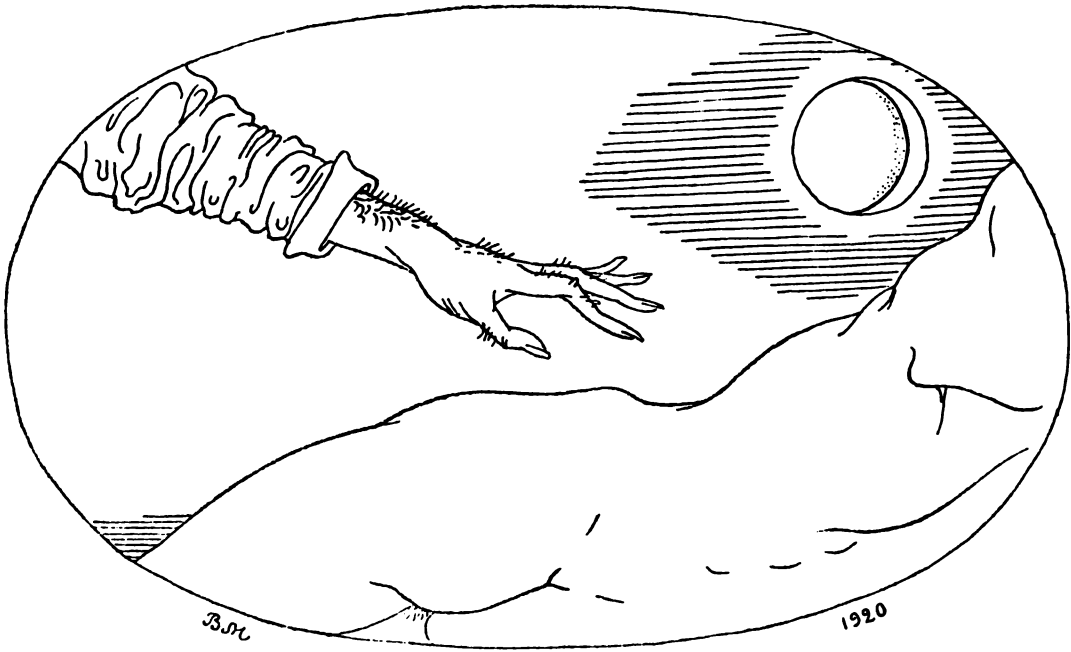
Я возьму почтовый лист,
Напишу письмо с ответом:
«Кларнетист мой, кларнетист,
Приходи ко мне с кларнетом.
Чернобров пы и румян,
С поволокой томной око,
И когда не очень пьян,
Разговорчив, как сорока,
Никого я не впущу,
Мой веселый, милый кролик.
Занавесочку спущу,
Передвину к печке столик.

Упоительный момент!
Не обмолвлюсь словом грубым...
Мил мне очень инструмент
С замечательным раструбом!
За кларнетом я слежу,
Чтобы слиться в каватине
И рукою провожу
По открытой окарине.

1918.

А Л И.

Не так ложишься, мой Али,
Какие женские привычки!
Люблю лопаток миндали
Через бисерные перемычки,
Чтоб расширялась спина
В два полушария округлых
Где дверь запретная видна
Пленительно в долинах смуглых.
Коралловый дрожит бугор,
Как ноздри скакуна степного
И мой неутомимый взор
Не ищет зрелища другого,
О, свет зари! О, розы дух!
Звезда вечерних вожделений!
Как нежен юношеский пух
Там, на истоке разделений!

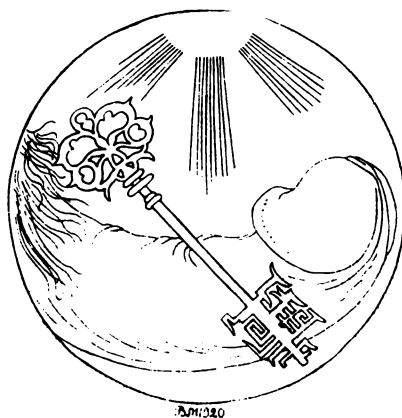
Когда-б я смел, когда-б я мог,
О, враг, о, шах мой, свиться в схватке,
И сладко погрузить клинок
До самой, самой рукоятки!
Вонзить и долго так держать,
Сгорая страстью и отвагой,
Не вынимая, вновь вонзать
И истекать любовной влагой!
Разлился соловей вдали,
Порхают золотые ппички!
Ложись спиною вверх, Али,
Отбросив женские привычки!

РАЗМЫШЛЕНИЯ ЛУКИ.

Сосед Лука сидел преважно,
А член его дѣбился дѣ стола
И думалось ему отважно:
«Чем хуже я Петра Апостола?
Ему вручен был ключ от рая
(Поглажу, ну-ка, против шерсти я)
А разве я не проникаю
В любое дамское отверстие?
И распахну легко калитку
Из самых даже нерасшатанных:
Монахиню, израелитку,
В роскошных платьях, иль заплапанных..
Раз! опрокину на скамейку,
Под юбкою рукой пощупаю,
И рай открыть легко злодейку
Я научу (пусть даже глупую).

Не спору: член мой крепколовый
Покуда — все мое имущество,
Но пусть грозит апостол злобой,
Пред ним имею преимущество.
Ведь мокрый рай, признаться надо,
Пленяет только первой целостью,
А я, Лука, в песнины ада
Готов пуститься с той же смелостью.
От двух дверей мой ключ железный
(Прилично-ль пояснять примерами?)
И в путь второй, равно любезный,
Отправлюсь даже с кавалерами.»

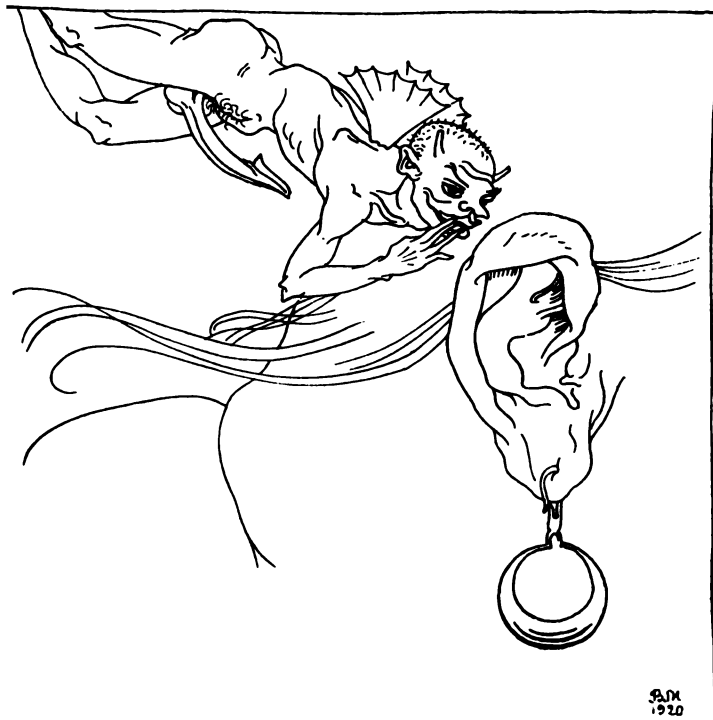
1918

НАЧАЛО ПОВЕСТИ.

Я не знаю: блядь-ли, сваха-ль
Тут насупротив живет,
Каждый вечер ходит хахаль:
В пять придет, а в семь уйдет.
Летом в городе так скучно
И не спится до зари,
Смотришь в окна равнодушно,
Как ползут золотари,
Прогремиш вдали пролетка,
Просвисшиш городской —
Снова тихо... рядом шепка
Дрвхнеш тушей неживой.
В головах коптит лампадка
И в окно несетя вонь...
Молодой вдовой не сладко
Жить, уж как ты ни резонь.

Тетка прежде посылала
Мне и Мить, и Вань, и Вась,
Но вдовство я соблюдала,
Ни с которым не еблась.
Так жестоко и сурово
Целых восемь лет жила,
До того была здорова,
Что из носа кровь пошла,
Раздобрела, ела сытно,
Но, толкни меня поспрел,
Страсть, как стала любопытна
До чужих любовных дел.
Где по-вдови промолчать-бы,
Тут и разберет меня:
Где метрески, или свадьбы,
Или просто так ебня.
Что уж там ни говорите,
А огонь в крови кипит!
Поп твердит: «могий вместити,
Топ, мол, девство да вместити.»
Но такого уложенья
Не возьму никак я в полк:
При моем телосложеньи
Я вмещу хоть целый полк!»

RAM
1920

